

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА НИКОНА О КРЕСТНОМ МОНАСТЫРЕ **

“Грамота о Крестном монастыре” патриарха Никона, изданная при жизни святителя (М., около 24 июня 1656 г.) [8, № 267; 24, № 29] (в дальнейшем: Грамота; ссылки на это издание в тексте к круглым скобкам), до сих пор не привлекала внимание специалистов-филологов. В XIX в. Грамота неоднократно издавалась; историки использовали ее текст в качестве документального источника сведений о строительстве Крестного Онежского монастыря и роли патриарха Никона в ее создании [1. С. 30-44; 9. С. 89-104; 11. С. 1-20; 12. С. 831-860; 16. С. 266-292; 17. С. 1-22; 19. С. 10-18; 21. С. 274-280; 33. С. 7]. Однако, известно, что Грамота повлияла идейно и текстуально на ряд произведений, второй половины XVII в., посвященных кресту-мощевнику, помещенному патриархом Никоном в Крестный Онежский монастырь [5. С. 75; 17. С. 29-33; 25. С. 371; 26. С. 420]. Но среди произведений о кийском кресте и онежском Крестном монастыре Грамота патриарха Никона занимает особое место.

По мысли патриарха Никона, высказанной в начале Грамоты, поклонение кийской святыне должно было стать подобным поклонению великой палестинской святыне. Появление на Русском Севере копии Животворящего Креста Господня и строительство для нее монастыря определило две главные темы Грамоты: христианское милосердие и христианский крест. В соответствии с ними четко выделяются две части Грамоты со своей композицией, источниками и собственной логикой развития тем. Части компилятивны.

Чтобы проследить последовательное развитие темы милосердия в первой части Грамоты, необходимо выявить источники, которыми пользовался автор, и определить цитаты. Литературные источники первой части Грамоты - Библия, сочинения отцов церкви, Пролог. Разное использование текстов этих источников делает повествование убедительным и доступным для восприятия. Один способ – дословное цитирование текста (Библия и поучения отцов церкви). Другой – свободный пересказ библейских или проложных сюжетов. Источник Никон обозначает традиционно. Библейские цитаты вводятся характерными для патристики выражениями типа “реченное божественным Апостолом”, “еже рече пресвятыми своими усты Христос Спаситель”, “якоже и Сам Христос Спаситель свидетельствует”, “по Апостолу”, “по божественному Апостолу”, “И сам Господь Иисус глаголет”. Как правило, это хорошо известные каждому христианину ветхозаветные и новозаветные стихи и сюжеты, которые не нуждаются в точном обозначении источника. При цитировании поучений отцов церкви Никон всегда называет автора того или иного поучения. Эти обозначения традиционны для гомилетики: подобно типичному средневековому автору-составителю поучения, как правило, называющему только имя святителя, а не его произведение, обозначает источник и патриарх Никон: “Свидетельствует се священный Златоуст, глаголяи”, “якоже той же блаженный Златоуст глаголет”, “якоже авва Дорофей пишет”. Все библейские цитаты легко вычлениваются из авторского текста, а библейские сюжеты легко узнаются. Патриарх Никон предпочитает так называемое “прямое” цитирование Библии, при котором цитата со ссылкой или без ссылки на источник вводится в ткань авторского повествования, не разрушая его, но при этом стилистические особенности источника под воздействием авторского текста не подвергаются трансформации. Даже при пересказе того или иного библейского стиха Никон включает в авторский текст дословные цитаты источника. Патриарх Никон совмещает дословное цитирование библейских текстов и их свободный пересказ. Эти же способы характерны и при использовании Никоном других источников. При сравнении Грамоты и поучений Иоанна Златоуста о милостыне, оказывается, что патриарх Никон включает в свое повествование дословные фрагменты из трех нравоучений византийского святителя. Рассуждая о милостыне на создание церквей, Никон цитирует два фрагмента из 18-го нравоучения “Яко подобает стяжания имущим в своих им селех съоружати церкви и всяко о них паче всех прилежати, яко многу ползу подающих...” [Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния Святых Апостолов. Киев, 1624. Л. 176-177]. Сравнение текстов показывает, что из 18-го поучения Иоанна Златоуста Никон убирает некоторые фрагменты, комментирует отдельные фразы, то есть стремится адаптировать текст источника к своему повествованию; цитата из авторитетного источника необходима Никону для подтверждения его собственных утверждений, поэтому прежде, чем процитировать поучение Иоанна Златоуста, Никон высказывает собственную мысль, которую сразу подтверждает ссылкой на авторитет святителя. Рассуждая о значении милостыни, патриарх Никон обращается к 22-му нравоучению Иоанна Златоуста “О милостыни...”. Цитируя это поучение святителя, Никон выбирает из многословных и витиеватых рассуждений И. Златоуста простые, запоминающиеся и понятные для широкого читателя определения милостыни [Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния Святых Апостолов. Киев, 1624. Л. 215-216]. Поучение 14-е “О назидании и подобословии душевных добродетелей” аввы Дорофея – еще один источник Грамоты. Патриарх Никон включает в свое повествование обширный фрагмент из поучения этого известного церковного писателя. При сравнении Грамоты и поучения аввы Дорофея оказалось, что патриарх Никон иногда дословно передает текст поучения, иногда пересказывает его, комментируя слова аввы Дорофея, таким образом, творчески перерабатывает источ-

* © С.К. Севастьянова, 2005.

** Работа написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 02-04-00251а.

ник [Ефрем Сирин. Поучения. Ава Дрофей. Поучения. М., 1652. Л. 126-126 об.]. Примечательно, что Никон не только называет имя святителя, чьи поучения он цитирует, но обозначает и конкретный печатный источник, откуда он заимствовал текст: “якоже глаголет Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийския в толковании на Апокалипсис Иоанна Богослова на листе 64”. Речь, несомненно, идет о киевском издании толковании Андрея Каппадокийского, где и находим текстуально совпадающий с Грамотой фрагмент [Андрей, архиепископ Каппадокийский. Толкование на Апокалипсис Иоанна Богослова. Киев, 1625. Л. 64 об.]. Рассчитывая, вероятно, на хорошую известность каждому христианину сказания о Патрикии, которое помещалось в Прологе (5 сентября) [Пролог. М., 1642. Л. 21-22], патриарх Никон, не обозначая конкретного источника этого сюжета, напомнил о нем читателю, кратко пересказав содержание (14-15).

Таким образом, все цитаты и сюжеты, использованные автором в первой части Грамоты, объединены темой христианского милосердия. Призывая читателей к добровольному пожертвованию в Крестный монастырь, Никон строит повествование на основе сравнений и сопоставлений. Так, автор проводит параллель между милосердием Божиим и милосердием человека, для чего напоминает евангельские сюжеты о милостыне в храм некоей вдовицы, которая принесла всего две лепты, и милостыне блудницы на вечери фарисея Симона, которая помазала главу Иисуса Христа миром и омыла Его ноги слезами, готовя Его, по свидетельству Самого Христа, к смерти. Возникающая здесь новая пара сопоставлений - приговление к смерти Спасителя и приговление к смерти христианина раскрывается Никоном посредством напоминания читателям о совершении литургии за жертвователей [2. С. 91-95]. Фрагмент Грамоты, посвященный описанию чина приготовления просфоры для причастия, восходит к фрагменту грамоты константинопольского патриарха Паисия I к патриарху Никону (составлена 20 декабря 1654 г.) (РГАДА, ф. 184, оп. 1, д. 1421, л. 14 об.; ф. 52, оп. 1, д. 23; ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1035;) [21. С. 149; 37. С. 367; 42. С. 52]. В толковании константинопольского патриарха чина приговления хлебов для причастия находим текстуальную близость грамоты Никона и Паисия I [18. С. 350-352]. Как и в предыдущих случаях, Никон почти дословно цитирует текст авторитетного автора, связывая таким образом толкования константинопольским патриархом символических действий священника с конкретным событием – сбором милостыни на строительство Крестного монастыря. Жертвователю символически соучаствует в жертве Христа, в Его крестной смерти и спасении. Тот, кто не жертвует на монастырь, становится подобен Симону фарисею, который пригласил Христа к себе (жертвователю добровольно принял крещение), но не оказал уважения дорогому гостю (не омыл ему ноги по иудейскому обычаю, сознательно не воздал почести Спасителю, за что получил осуждение, а грешная, но милостивая блудница получила прощение). Так и христианин, если не воздаст почести Спасителю своей жертвой на монастырь, может быть осужден, а грешник, жертвующий на монастырь, получает милостыню от Бога. Следовательно, в образно-символическом плане содержание первой части повествования может быть представлено как развитие и объяснение следующих образов и символов церкви: Крест Христов – Крестный монастырь (Ставрос) – смерть Спасителя – спасение – смерть христианина – благодать Божия милостивому. Милосердие возвышает человека, так как не требует воздаяния за свои подвиги, и существует таким образом во славу Божию. Милостыня на строительство Крестного монастыря рассматривается Никоном как акт проявления каждым вкладчиком главных христианских добродетели – любви к Богу и милосердия.

Подбор цитат у Никона подчинен определенному принципу: их содержание последовательно раскрывает две важные темы первой части Грамоты – христианское милосердие и христианскую любовь. На мой взгляд, выбранная автором последовательность цитат способствует реализации этих тем, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Выявление главной идеи каждой цитаты, использованной Никоном для составления первой части Грамоты, позволяет свести содержание этой части к следующему. Совершение акта христианского милосердия – принесение щедрого и добровольного пожертвования на строительство Крестного монастыря – рассматривается Никоном через призму взаимоотношения человека с Богом. Любовь человека к Богу и любовь Богом людей раскрываются в принесении человеком милостыни и в проявлении им христианского милосердия к ближнему. Исходя из этого значение милостыни в жизни христианина выявляется Никоном путем сравнения отношения человека к Богу и воздаяния Богом человеку за его поступки. Таким образом, тема христианской любви пронизывает собой первую часть Грамоты.

Повествование о христианском милосердии подчинено определенной логике: Никон рассуждает о милостыни вообще, о милостыне на церковное строение и милостыне в Крестный монастырь. Автор строит повествование таким образом, что эти темы взаимно дополняют друг друга. Рассуждая о видах и значении милостыни, Никон постоянно возвращается к теме пожертвования в Крестный монастырь и показывает, что вклад, сделанный в строящуюся обитель, является частью главной христианской добродетели - милосердия. Следуя рассуждениям Никона, милостыня, как доказательство любви к Богу и как проявление милости телесной, существует со времен Ветхого Завета. Во времена Нового Завета большое значение для христианина приобретает милостыня добровольная и щедрая. Будучи таковым, вклад в Крестный монастырь, по заключению патриарха Никона, знаменует “изобильство душевное же и телесное” и обещает благословение от Бога во всех делах. Пожертвование на создание церквей и монастырей есть разновидность христианской милостыни, которая характеризуется Никоном как очищение от грехов, выражение любви к Богу и как высшая человеческая добродетель. Будучи таковым, вклад в

Крестный монастырь обеспечивает вкладчику постоянную молитву о здравии его и его родственников, возноси- мую монахами Крестного монастыря, является проявлением христианского милосердия к ближнему и нуждаю- щемуся, ведет к душевной чистоте и прокладывает путь к вечному небесному блаженству. Итак, в первой части Грамоты можно выделить два тематических блока. Первый связан с реализацией темы христианской любви (отношения человека и Бога), второй – с выявлением видов христианского милосердия (милостыня как проявле- ние любви к Богу, милостыня на церковное строение, милостыня как высшая человеческая добродетель).

Таким образом, как показывает сравнение текстов Грамоты и выявленных нами источников первой ее части, повествующей о милостыне, патриарх Никон использовал преимущественно тексты печатных источников, а также тексты, хорошо известные в XVII в. Круг авторов и произведений, к которым обращается Никон в этой части повествования, невелик и традиционен для учительной литературы; основной способ работы Никона с источни- ком – дословное воспроизведение его текста, в редких случаях – пересказ и свободное изложение.

Повествование о кресте сводится к развитию трех тем: значение креста, крестное знамение, Крест Константи- нов. Эта часть Грамоты, составленная из текстов святоотеческих поучений о кресте, начинается с небольшого авторского введения, в котором обозначается тема и цель изложения: “Наказующе вас, яко чад наших любезных присно та божественнаго Креста действия во уме имети и сими в любовь распеншагося на нем Иисуса Христа Господа нашего истиннаго день и ночь восходити и к честному Его и животворящему Кресту прилежнейшу и неоскудну веру имети” (36-37). Таким образом, собранные Никоном свидетельства должны усилить веру читате- лей в благодатную силу креста и крестной смерти Иисуса Христа. Тема крестной смерти Спасителя связывает обе части Грамоты.

Литературные источники второй части Грамоты не всегда поддаются точной идентификации. Во-первых, Никон здесь ни разу не называет их. Во-вторых, темы крестного знамения, значения и символики христианского креста являются самыми распространенными в патристике, богословии, литургике. Поэтому одни и те же фраг- менты святоотеческих текстов без указания на их авторство могут “кочевать” из одного произведения в другое, “растворяясь” в новом контексте. Один фрагмент Грамоты имеет текстуальные совпадения с изданной при патриархе Никоне книгой «Скрижаль»: рассуждения о значении креста и крестного знамения заимствованы состави- телями статьи об изображении креста в «Скрижали» из слова о кресте Никона Черногорца; а патриарх Никон это поучение преподобного монаха цитирует в Грамоте по «Скрижали» [Скрижаль. М., 1655-1656. Л. 793-795].

В рассуждениях Никона о кресте можно обнаружить смысловую и текстуальную близость со стихирами, читаемыми 14 (27) сентября на богослужении в праздник Воздвижения честного и животворящего Креста. Образ- но-символические уподобления креста разным явлениям, предметам и процессам, возможно, имеют своим источником стихиры на глас 5-й и 6-й из службы на Воздвижение Креста, произносимой на Великой вечерне, и песнь 9-ю, светилен [Минея. Август. М., 1646. Л. 12-12 об.], произносимых на утрени того же праздника. Метафо- рические отождествления креста сохранились в тексте службы до наших дней [Минея праздничная. М., 1993. С. 26-26 об., 27 об., 30 об.]. Между тем, подобный ряд метафор находим в “Слове похвальном на Воздвижение честного и животворящего Креста Господня” Андрея Иерусалимского и “Чтении на Воздвижение честного и животворя- щего Креста” Пантолива, пресвитера церкви Византийской [ВМЧ. СПб., 1869. Стлб. 683, 720] и других поучениях святых отцов, читаемых на праздник Воздвижения честного и животворящего Креста Господня [ВМЧ. СПб., 1869. Л. 679-680; Минея. Сентябрь. М., 1644. Л. 203 об. – 204, 205, 209 об.]. Текстуальная близость со службой на праздник Воздвижения Креста обнаруживается и в других фрагментах Грамоты. Например, очевидна близость Грамоты и текста песни 9 (глас 6), читаемой на утрени праздника [Минея. Сентябрь. М., 1644. Л. 210]. Смысловые, текстуаль- ные и идейные совпадения Грамоты со Службой Кресту свидетельствуют о том, что Никон намеренно опирался на тексты, хорошо известные и понятные каждому христианину, поскольку знакомство с ними было связано с богослужебной практикой.

Окружное послание Никона о Крестном монастыре, адресованное всем православным христианам России, имело в качестве источников не только тексты, звучащие в храмах во время служб Кресту, но и тексты праздни- чных поучений, произносимых священниками с амвона. Поэтому содержание Грамоты становилось доступным и ясным для каждого верующего. Для рассказа о благодатной силе христианского креста Никон цитирует “Поуче- ние в неделю третью святого поста на поклонение честнаго и животворящаго Креста” из Евангелия учительного [Евангелие учительное. М., 1653. Л. 59-60]. Другая довольно обширная цитата из этой книги представляет собой почти дословно заимствованный Никоном фрагмент из “Поучения на Воздвижение честнаго и животворящаго Креста Господня”. Сравнение текстов показывает, что Никон пользовался, вероятно, печатным текстом поуче- ния, о чем может свидетельствовать механический пропуск фразы между одинаковыми словами, сделанный при переписке [ср.: Евангелие учительное. М., 1653. Л. 401-402]. Встречаем в Грамоте и два фрагмента из “Слова похвална о Кресте” Ефрема Сирина [ВМЧ. СПб., 1869. Л. 722-723].

Таким образом, Никон составляет эту часть Грамоты, используя в качестве источников хорошо известные в XVII в. тексты о кресте, большая часть которых связана с богослужением. Делая свое повествование доступным для значительной массы православного населения России, Никон намеренно объединил несколько текстов о кресте и крестном знамении, ставших уже хорошо известными ко времени его патриаршества. И в этом отноше-

нии Грамота Никона напоминает окружные послания константинопольских патриархов, например, святителей Геннадия, писавшего от имени собора 459 г., и Тарасия, чьи окружные послания о симонии представляют собой своды текстов, известных ко времени их патриаршества по этому вопросу [29. С. 531-534]. Привлечение в качестве источников Грамоты текстов службы Кресту и святительских поучений о кресте подчеркивает значимость события – установления на острове Кий копии палестинской святыни и в определенной степени по силе воздействия и глубине таинственного смысла приближает кийский крест к его первообразу.

В Грамоте патриарх Никон останавливается на чрезвычайно важной для него теме – о крестном знамении. Церковная реформа патриарха Никона, основанная на изменении издревле существовавших на Руси обрядов – в частности, замене двоеперстия троеперстием, с большим трудом принималась народным сознанием [4. С. 201; 18. С. 108-109; 20. С. 636; 22. С. 287; 30. С. 624; 31. С. 235; 34. С. 229, 231]. Особую актуальность вопрос о крестном знамении приобрел в 1655-1656 г. в связи с приездом в Москву восточных святителей. 4 марта 1655 г., в день Торжества Православия, в Успенском соборе в присутствии царя и архиереев Макария Антиохийского и Гавриила Сербского патриарх Никон проповедовал в защиту троеперстия. 12 февраля 1656 г., в день памяти святителей Мелетия, архиепископа Антиохийского и Алексия, Московского и всея России чудотворца патриарх Никон прочел сказание из Пролога о святителе Мелетии Антиохийском, на которое ссылались защитники двоеперстия, и, обратясь к антиохийскому патриарху, спросил, как следует понимать это сказание. Макарий ответил, что тот, кто изображает крест двумя перстами, – “таковой арменоподражатель есть, арменове бо тако изображают на себе крест”. 24 февраля, в первую неделю Великого поста, восточные святители предали анафеме упорных последователей двоеперстия; по окончании литургии патриарх Никон проповедовал о троеперстном крестном знамении [13. С. 152-156, 179, 180; 32. С. 135-137, 148, 153].

Дважды патриарх Никон обращался к восточным святителям с вопросом о крестном знамении. 24-й вопрос Никона к константинопольскому патриарху Паисию I был о том, “как подобает христианину изображать свой крест” [7. С. 566-567]. В апреле 1656 г. патриарх Никон обратился с письменным посланием к находящимся в Москве четырем святителям. Они признали отлученными и проклятыми тех, кто творит крестное знамение не тремя перстами. Ответ восточных святителей Никон напечатал в «Скрижали» [13. С. 182]. Таким образом, к лету 1656 г. вопрос о крестном знамении должен был быть решен в пользу троеперстия и подтвержден авторитетным мнением восточных святителей. Строя свои доказательства в пользу троеперстия, в Грамоте Никон опирается прежде всего на авторитет восточных святителей. О сложении перстов во время крестного знамения Никон рассуждает вслед за Паисием I [7. С. 566-567].

Наибольший интерес представляет заключительная часть Грамоты, где автор проводит параллель между деяниями императора Константина Великого и царя Алексея Михайловича. Источником той части Грамоты, где Никон рассказывает о победах над врагами византийского императора Константина Великого, которому в видении был явлен Крест Господень на небе, послужила статья Пролога. Несмотря на известность в славянской традиции этого сюжета по хронике Георгия Амартола и двум хронографам XIV и XV вв., русскому хронографу редакции 1512 г., Еллинскому летописцу II редакции, Житию Константина и Елены, минейным торжественным словам в честь праздника Обретения Креста Господня и похвальным словам святым Константину и Елене патриарха Евфимия Тырновского, церковной службе святым Константину и Елене 21 мая [3. С. 132-148; 28. С. 149-170], сравнение текстов Грамоты, статьи о Константине Великом из печатного Пролога убеждает в том, что Никон пользовался именно этим источником. При сравнении текстов очевидно и то, что Никон не дословно цитировал текст источника, а творчески перерабатывал его, значительно сокращая и убирая подробности, связанные с описанием битв императора Константина [ср.: Пролог. М., 1652. Л. 56-58 об.].

На православном Востоке Алексея Михайловича давно называли новым Константином, и именно с ним связывалась идея освобождения православных от мусульманского ига. В Москве 21 октября 1653 г. специально для царя Алексея Михайловича переведена на русский язык сочиненная архимандритом критского Успенского монастыря Неофитом “Повесть о Крите острове, как венециане владели, а потом турки взяли...”, в которой автор выразил пожелание увидеть и Константинополь, и свой родной Крит освобожденными русским царем, который должен занять трон Константина Великого [38. С. 30]. Незадолго до отъезда из Москвы, 6 ноября 1653 г., бывший константинопольский патриарх Афанасий (Пателар) составил царю докладную записку – “Слово понуждаемое” к русскому царю, где выразил крепкую веру, что Алексей Михайлович самим Богом призван овладеть Константинополем, изгнав оттуда турок (под покровительством древней заступницы Византии – Влахернской иконы Богоматери, принесенной в Москву в октябре 1653 г., и мощей святителя Григория Богослова, находившихся в русской столице с сентября 1652 г.). Русский царь должен занять престол бывших греческих православных императоров, а московский патриарх Никон – кафедру вселенских константинопольских патриархов “освящати соборную апостольскую церковь Софою Премудрость Божию” [13. С. 44; 14. С. 373, 385; 38. С. 29; 40, с. 163-164]. Из Мгарского монастыря (недалеко от города Лубны) Афанасий (Пателар) 22 марта 1654 г. отправил царю Алексею Михайловичу грамоту, в которой он вновь призывал русского царя к освобождению православных, томящихся под мусульманским игом [27. С. 748; 40. С. 164, 168-170, 178].

Крест Константинов как символ победы русского царя над врагами-иноверцами был хорошо известен русским православным людям. В Грамоте Никон вспоминает об одном из трех крестов императора Константина Великого, принесенном при князе Владимире на Русь. В “Слове о Законе и Благодати” киевского митрополита Илариона, написанном в 1037-1050 гг., рассказывается, как из Константинополя, который в Слове назван Новым Иерусалимом, князь Владимир со своей бабкой великой княгиней Ольгой принесли Честной Крест, подобно тому, как Константин Великий со своей матерью Еленой принесли крест из Иерусалима [23. С. 5, 97]. До сих пор, как пишет Никон, того креста “божественно и пресвятою силою той царствующий преименитый град Москва со всеми прилежащими к нему странами блюдом есть и покрываем” (53-54). А русские православные цари, веря в силу Честного Креста, “победы над враги своими поставляху и окрестныя иноверныя страны под богохранимую Российскаго царствия державу удобь покаряху” (54). Успехи в военных походах царя Алексея Михайловича объяснялись как самим Никоном в Грамоте, так и их современниками благодатной силой Честного Креста Константинова. Во вторую неделю Великого поста, 11 марта 1655 г., антиохийский патриарх Макарий благословил русского царя золотым крестом, сказав: “Как Бог древле даровал царю Константину Великому победу над врагами помощью Честного Креста, так я молю Его даровать ее теперь тебе” [32. С. 118-119, 142, 145, 147]. 5 февраля 1656 г. восьмиконечный крест из части Животворящего Древа Креста Господня был прислан к царю Алексею Михайловичу боярином и дворецким В.В. Бутурлиным и окольничим А.В. Бутурлиным из Вязьмы [6. С. 240; 32. С. 141; 35. С. 10-11]. В 1655 г. ватопедский архимандрит Дамаскин привез из ватопедского монастыря Животворящий Крест Господень царя Константина, сделанный по образу Креста, виденного царем на небе, и главу святителя Иоанна Златоуста. Шла война России с Польшей, поэтому Дамаскин доставил святыни в ставку царя Алексея Михайловича в Шклов [15. С. 65-67; 39. С. 93]. 10 марта 1656 г. в грамоте в Ватопедский монастырь царь Алексей Михайлович сообщил, что намерен оставить привезенные архимандритом Дамаскином монастырские святыни “на время лет на дватцать или менши, на сколько лет доведетца”. Алексей Михайлович выплатил обители одновременно 1400 руб. жалованья и 400 руб. архимандриту Дамаскину [39. С. 94-95]. Несмотря на обращения архимандрита Дамаскина к царю Алексею Михайловичу о возвращении в Ватопедский монастырь Креста Константинова и главы святителя Иоанна Златоуста [27. С. 749-750], святыни так и не были возвращены на Афон [3. С. 135; 10. С. 9-10; 27. С. 750; 28. С. 166; 39. С. 94-97]. На Вознесение Господне, 15 мая 1656 г., в день начала русско-шведской войны патриарх Никон в сослужении антиохийского патриарха Макария и митрополитов Никейского и Молдавского отслужил в Успенском соборе молебен для отъезжающего на войну царя; после этого был совершен крестный ход к Лобному месту, где патриархи благословляли царя Животворящим Крестом: Никон осенял царя “ручным крестом, а государь царь, сняв шапку, государю патриарху поклонился и поиде в путь о Христе Бозе с миром” [6. С. 258-260; 32. С. 176-177].

Итак, возникшие в Грамоте Никона параллели: Константин Великий – царь Алексей Михайлович и победы Константина Великого над врагами – военные успехи царя Алексея Михайловича были хорошо понятны читателю. Возможно, что заключительные строки Грамоты, где патриарх Никон прославляет царство Алексея Михайловича, напоминали читателю фрагменты не только службы Кресту, но и молитвы патриарха, произносимой в чине и поставлении царя на царство после благословения новопоставленного государя крестом [Минея. Сентябрь. М., 1644. Л. 207-207 об.; Псалтирь следованная. М., 1658. Л. 277; 41. С. 283-284]. На мой взгляд, текстуальная и идейная близость заключительных фрагментов Грамоты, службы Кресту и молитвы из чина поставления на царство усиливала выражаемые в Грамоте идеи укрепления православия в России и освобождения православных от иноверного влияния под руководством русского царя и русской церкви.

Таким образом, для середины 1650-х годов сравнение Алексея Михайловича с императором Константином в Грамоте Никона имело не только религиозный, но и политический оттенок. Призыв Никона ко всем православным христианам делать вклады на строительство кийского монастыря становился призывом к духовному единению православных людей вокруг самой главной палестинской святыни – животворящего Креста Господня - символа власти и победы православия. Успехи Алексея Михайловича в военных действиях “на всех врагов его и сопостатов” (Никон прямо не говорит о войне со Швецией, во время которой выходит из печати Грамота) оценивались автором Грамоты как победоносное шествие с Крестом Константина Великого русского православного царя, освобождающего православных людей от иноверцев. Символична и дата издания Грамоты - 24 июня - праздник Рождества честного славного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Новозаветный проповедник возвещал о пришествии Иисуса Христа и о грядущем распространении христианства по всей земле. Грамота патриарха Никона возвещала о строительстве Крестного монастыря и установлении на острове Кий аналога палестинской святыни - животворящего Креста Господня, об укреплении православия на русской земле и выражала идею установления вселенского православия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона / Г.В. Алферова // Архитектурное наследие. М. - 1969. - № 18. - С. 30-44.

2. Антонов Н.Р., священник. Храм Божий и церковные службы: учебник богослужения для средней школы / Н.Р. Антонов. - СПб., 1912.
3. Бадаланова-Покровская Ф.К. Средневековая символика власти: Крест Константинов в болгарской традиции / Ф.К. Бадаланова-Покровская, М.Б. Плюханова // Ученые записки Тартуского государственного университета. - Тарту, 1987. - № 781. - С. 132-148.
4. Бороздин А.К. Протопоп Аввакум / А.К. Бороздин. - СПб., 1900.
5. Гнутова С.В. Кийский крест / С.В. Гнутова // Патриарх Никон. Облечения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника "Московский Кремль", музея "Новый Иерусалим", Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника "Коломенское", Российского государственного архива древних актов. - М., 2002. - С. 75.
6. Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора / А.П. Голубцов. - М., 1908.
7. Грамота константинопольского патриарха Паисия I к московскому патриарху Никону // Христианское чтение. СПб., 1881. Ч. 1. С. 303-353, 539-578.
8. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII вв.: сводный каталог / А.С. Зернова. - М., 1958.
9. Ильин М.А. Крестный монастырь на Кий-острове / М.А. Ильин // Архитектурное наследие. - М., 1962. № 14. С. 89-104.
10. Иосиф (Левицкий), архимандрит. Краткие сведения о московских соборах и монастырях, находящихся в Кремле / Иосиф (Левицкий). - М., 1869.
11. Историческое описание Крестного второклассного монастыря Онежского уезда Архангельской губернии. - Архангельск, 1903.
12. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором... Амвросием. - М., 1812. - Ч. IV.
13. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Н.Ф. Каптерев. - Сергиев Посад, 1909. - Т. 1.
14. Каптерев Н.Ф. Приезд бывшего Константинопольского патриарха Афанасия (Пателара) в Москву в 1653 году / Н.Ф. Каптерев // Чтения в обществе любителей древней письменности. - М., 1889. - № 10.
15. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. / Н.Ф. Каптерев. - Сергиев Посад, 1914.
16. Кольцова Т.М. Новые данные о строительной истории Крестного (Онежского) монастыря в XVII-XIX вв. (по письменным источникам) / Т.М. Кольцова // Памятники архитектуры Русского Севера: сб. статей. - Архангельск, 1998. С. 266-292.
17. Лаврентий (Далматов), архимандрит. Краткое известие о Крестном Онежском Архангельской епархии монастыре / Лаврентий (Далматов). - М., 1805.
18. Лобачев С.В. Хронология церковной реформы патриарха Никона / С.В. Лобачев // Никоновские чтения в музее "Новый Иерусалим": сб. статей / Сост. и науч. ред. Г.М. Зеленская. - М., 2002.
19. Макарий, епископ Архангельский. Записка об Онежском Крестном монастыре / Макарий // Чтения в Обществе истории и древностей российских. - М., 1880. - Кн. 3.
20. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви / Макарий. - М., 1996. Кн. 7.
21. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви / Макарий. - СПб., 1883. Т. 12.
22. Малышев В.И. Материалы к "Летописи жизни протопопа Аввакума" / В.И. Малышев // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. - Л., 1985.
23. Молдован А.М. "Слово о законе и благодати" Иллариона / А.М. Молдован. - Киев, 1984.
24. Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: каталог. - М.: Индрик, 2003. - Вып. 3. 1651-1675.
25. Николаев С.И. Два стихотворца XVII века / С.И. Николаев // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук. - Л., 1985. - Т. 39.
26. Николаев С.И. Онуфриев Алексей Захарьевич / С.И. Николаев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. - СПб., 1993. - Вып. 3 (XVII в.). - Ч. 2. - С. 420.
27. Николаевский П. Из истории сношений России с Востоком в половине XVII столетия / П. Николаевский // Христианское чтение. - СПб., 1882. - Кн. 1 (№ 1-6).
28. Плюханова М.Б. Средневековая символика власти: Крест Константинов в русской традиции / М.Б. Плюханова // Ученые записки Тартуского государственного университета. - Тарту, 1987. - № 781. - С. 149-170.
29. Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. - СПб., 1912. - Т. 2.
30. Православная энциклопедия. Русская православная церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. - М., 2000.
31. Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. - Л., 1975.

32. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, написанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. - М., 1898. - Вып. 3, 4.
33. Ратшин. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России / Ратшин. - М., 1852.
34. Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: исследование и тексты / А.Н. Робинсон. - М., 1963.
35. Савва (Тихомиров), архимандрит. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки / Савва (Тихомиров). - М., 1855.
36. Тальберг Н. История Русской церкви / Н. Тальберг. - Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994.
37. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б.А. Успенский. - М., 1998.
38. Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России в XVII в. / Б.Л. Фонкич // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. - СПб., 1994.
39. Фонкич Б.Л. Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. / Б.Л. Фонкич // Очерки феодальной России. - М., 2001. - Вып. 5.
40. Ченцова В.Г. Источники фонда "Сношения России с Грецией" Российского Государственного Архива Древних актов по истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 50-е гг. XVII в. / В.Г. Ченцова // Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. - М., 2000.
41. Чин и поставление на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. - М., 1788. - Ч. 7. - С. 234-303.
42. Юхименко Е.М. Грамота патриарха Никона Паисию, патриарху Константинопольскому, с просьбой о согласии на исправление богослужебных книг / Е.М. Юхименко // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника "Московский Кремль", музея "Новый Иерусалим", Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника "Коломенское", Российского государственного архива древних актов. - М., 2002. - С. 52.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВМЧ – «Великие Минеи Четьи»

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).